

ПУБЛИКАЦИИ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «IV ЮСТИНИАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И КАНОНИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* Юридическая герменевтика и канонический комментарий // Праксис. 2024. № 1 (14). С. 97–106. DOI: 10.31802/PRAxis.2024.14.1.005

Аннотация

УДК 340

Сообщение на IV Юстиниановских чтениях (МДА, 27 ноября 2023 года) посвящено основным характеристикам юридической герменевтики и их значению для формирования канонической герменевтики. Зародившаяся как наследие традиции толкования законов в римском праве, каноническая герменевтика необходима для современного судопроизводства и законодательной деятельности Церкви, но для этого необходимо выявить консенсусные принципы её церковного статуса.

Ключевые слова: философия канонического права, каноническая герменевтика, интерпретация законов, канонический комментарий.

Legal Hermeneutics and Canon Commentary

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department Saints Cyril
and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Legal Hermeneutics and Canon Commentary" *Praxis*, № 1 (14), 2024, pp. 97–106 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2024.14.1.005

Abstract. The presentation at the IV Justinian Readings (MDA, November 27, 2023) is devoted to the main characteristics of legal hermeneutics and their significance for the formation of canonical hermeneutics. Originating as a legacy of the tradition of legal interpretation in Roman law, canonical hermeneutics is necessary for modern legal proceedings and legislative activity of the Church, but for this purpose it is necessary to identify consensual principles of its ecclesiastical status.

Keywords: philosophy of canon law, canonical hermeneutics, interpretation of laws, canonical commentary.

1. Исторически каноническая герменевтика появляется гораздо ранее юридической — её генезис легко проследить начиная с XII столетия. При этом сделать это можно как на материале западной (латинской), так и восточной (греческой) традиций — именно тогда практически одновременно окончательно формируются методологические принципы Болонской школы глоссаторов и составляется корпус классических канонических комментариев эпохи византийской династии Комнинов. Важно отметить, что канонический комментарий идёт как от правового текста, так и от уже существовавшей традиции толкования такого текста в римском праве, в то время как герменевтика, зародившаяся только в XIX столетии благодаря усилиям Ф. Шлейермахера, связана прежде всего с правилами такого толкования текста, которые помогают его верной интерпретации для процесса понимания. О практическом применении «понятого» в классической герменевтике речи не идет, вернее, такое практическое применение связано с высшей богословской задачей — указать верный путь ко спасению, для чего необходимо правильно расставить дорожные знаки (тексты) на таком пути. Именно поэтому истоки герменевтики содержатся в экзегетике и как, верно, указывает П. Рикёр, «герменевтическая проблематика возникла сначала в рамках *экзегетики*, то есть дисциплины, цель которой состоит в том, чтобы понять текст, — понять, исходя из его интенции, понять на основании того, что он хочет сказать. Если экзегеза и породила герменевтическую проблематику, иными словами, поставила вопрос об интерпретации, то потому, что всякое чтение текста, к тому же связанное с *quid*, с вопросом о том, «с какой целью» он был написан, всегда осуществляется внутри того или иного сообщества, той или иной традиции, того или иного течения живой мысли, которые имеют свои предпосылки и выдвигают собственные требования»¹.

Это «понимание в контексте» присуще уже Шлейермахеру, который добавил к обычной экзегетике нормы истолкований произведения искусства, введённые И. Винкельманом и тем самым расширил значение герменевтики от просто интерпретации текста до понимания любого артефакта и условий его существования во внешней среде. Тем самым герменевтика стала работать не только с текстами и их контекстами, но любым произведением культуры, принимая во внимание причины его появления и контекст дальнейшего существования. Полтора века спустя структуралисты объявят текстом вообще весь мир и его элементы.

1 Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 39.

Сам «отец герменевтики» считал необходимым принимать во внимание психологические установки автора, для чего необходимо уяснить целиком основную идею произведения и его случайные составляющие в связи с биографическими данными создателя. И тогда оказывается, что «чем больше произведение отражает внутреннюю сущность писателя, тем меньшее значение для герменевтической задачи имеют внешние обстоятельства, и наоборот, чем больше автора побудили к написанию произведения внешние обстоятельства, тем важнее знать внешние побудительные причины»².

1.1. В 1900 году В. Дильтей, доказывая значимость и даже превосходство «наук о духе» над позитивистскими «науками о природе», в специально посвящённой герменевтике статье укажет, что для этого необходимо произвести критику исторического познания, в том числе — правил герменевтики (закон внутренней связности текста, законы географического, этнического и социального окружения, правила помещения в контекст произведения и др.). Здесь Дильтей вводит категорию *интереса* как необходимое условие правильного процесса уразумения, которое явно будет недостаточным при низком интересе познающего. Но и при этом «самое напряженное внимание обратится в многоискусный процесс, достигающий контролируемой степени объективности, лишь при условии, что известное жизненное проявление зафиксировано, а потому мы можем снова и снова обращаться к нему. Такое искусное разумение длительно фиксируемых жизненных проявлений мы называем экзегезой или интерпретацией»³.

Диалектика, грамматика и риторика — три составляющих герменевтики со времён работы Шлейермахера. Их правильное сочетание позволяет выйти из того «герменевтического круга», который навязывает интерпретатору своё толкование текста или артефакта, минуя стадию самостоятельного уразумения. У разных авторов этот круг имеет различное описание — как уже было показано, Шлейермахеру важно связать частное и всеобщее в тексте и тогда смысл общего зависит от суммы смыслов частного. Для Дильтея уже невозможно понять авторский текст без знания контекста в идее «духа эпохи» и сопоставления этого текста с рядом текстов-современников исходного. Для М. Хайдеггера уже выстраивается иерархия интерпретаций, в которой теряется первоначальный текст

2 Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 177.

3 Дильтей В. Возникновение герменевтики // Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей; под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М., 2001. С. 239.

и его замысел. Для ученика Хайдеггера Гадамера каждый элемент в этой иерархии интерпретаций зависит и включён в интерпретационную традицию, но и сам становится звеном этой традиции, продолжающим её цепь.

Именно Х.-Г. Гадамер, решая проблему практического применения герменевтических установок, заговорил о «показательном значении юридической герменевтики». В его *opus magnum* это означало сокращение дистанции между герменевтикой наук о духе и собственно юридической герменевтикой, которой ранее отказывали в общих теоретических задачах, считая лишь вспомогательным методом заполнения лакуны в системе правовой догматики. Резонно заметив, что в таком случае и теологическая герменевтика не может иметь самостоятельного значения, Гадамер демонстрирует результаты анализа одного и того же текста с помощью исторической и юридической герменевтик. И для историка права, и для юриста фактическое содержание того, что понимается тем и другим способом, оказывается равноценным: «Герменевтическая ситуация историка и юриста совпадает, на мой взгляд, в том, что по отношению ко всякому тексту мы живем в непосредственном смыслоожидании. Невозможно непосредственное приближение к историческому объекту, которое объективно устанавливало бы его историческое значение. Историк должен осуществить ту же рефлекссию, которая направляет действия юриста»⁴. Именно в юридической герменевтике видит Гадамер правильную модель отношений между прошлым и настоящим: судья работает с нормой, принятой в прошлом, приспособлявая её к потребностям современности. Произвол при такой практической задаче недопустим, поскольку интерпретация здесь означает познание и признание действующего смысла закона: «Судья стремится здесь соответствовать «правовой мысли» закона, опосредуя ее современностью»⁵.

Этот пример Гадамера позволяет говорить о цели истолкования закона как о способе его конкретизации. Последняя становится возможной через *продуктивное расширение закона*, которое Гадамер понимает как действие судьи, основанное на справедливом рассмотрении целого. Знание параграфов закона и правовых прецедентов должны помочь судье добиться конкретизации закона. Весь существующий правопорядок учитывается при этом именно как таковой, а значит в пределы догмы права можно включить уже произведённое расширение закона: «Юридическая герменевтика и правовая догматика находятся,

4 Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 386.

5 Там же. С. 387.

следовательно, в существенной связи друг с другом, причем герменевтика занимает здесь первенствующее положение»⁶.

Тем самым, исторически юридическая герменевтика предстаёт как способ гарантировать такую интерпретацию юридического текста, которая сохранит соответствие содержащейся в этом тексте правовой нормы общему духу права. При этом это требование касается любого выбранного метода толкования (лингвистического, стремящегося к «внутренней» интерпретации без учёта контекста, системного, исторического и т. д.) и его видов (делегированного, аутентичного, казуального или нормативного).

1.2. В современной Российской Федерации существуют лишь отдельные нормы, устанавливающие чёткие правила толкования права. Можно вспомнить требование статьи 15 Конституции РФ о её соблюдении всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями, а также о непротиворечии других законов Конституции, имеющей высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации⁷.

Впрочем, некоторые субъекты федерации принимают собственные законодательные акты в данной области. Так, в Санкт-Петербурге с 2003 года действует закон об официальном толковании Устава и законов Санкт-Петербурга. Под официальным толкованием в нём понимается «разъяснение, даваемое в форме закона Санкт-Петербурга для установления смыслового значения правовых норм Устава Санкт-Петербурга, закона Санкт-Петербурга в целях раскрытия воли законодателя». Официальное толкование Устава и законов Санкт-Петербурга, законов обязательно при любой форме реализации соответствующей правовой нормы Устава Санкт-Петербурга, закона Санкт-Петербурга⁸. Официальное толкование законов Санкт-Петербурга осуществляется на принципах законности и единства правовой системы города.

Интересна терминология назначения закона: *разъяснение смыслового значения правовых норм*. Оставляя в стороне долгую историю терминов *смысл* и *значение* в семиотике и лингвофилософии, отметим, что использование этого словосочетания встречается в четвёртой

6 Там же. С. 389.

7 Конституция Российской Федерации 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.

8 Закон Санкт-Петербурга от 02.10.2003 № 522-77 «Об официальном толковании Устава Санкт-Петербурга, законов Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2003. № 11.

статье, регулирующей требования к закону. Здесь говорится о том, что в необходимых случаях разъясняется смысловое значение правовых норм, «вызывающих неопределенность в понимании положений Устава Санкт-Петербурга, соответствующего закона Санкт-Петербурга и(или) противоречия при их применении, а также конкретизация и уточнение установленных ими предписаний»⁹.

2. Рождение ординарной глоссы в ходе формирования канонического права как строгой науки — главный рубеж развития канонической герменевтики в Западной Европе. Ему предшествовала долгая работа кодификаторов и комментаторов римского права, итогом которой стал Юстиниановский корпус и конституция императоров Феодосия II и Валентиниана III 426 года («Закон о цитировании юристов»). Дигесты св. императора Юстиниана Великого устанавливают общий герменевтический принцип: «Не могут все отдельные случаи быть предусмотрены законом» (D. 1.3.12), а «то, что впервые устанавливается, следует определять путём толкования» (D. 1.3.11). Комментатор римских законов добавляет: «Знать законы — значит воспринять не их слова, но их содержание и значение» (Цельс в D. 1.3.17)¹⁰.

2.1. Преподавание в средневековых университетах на факультете права предполагало метод диалектического анализа текста. Проводивший этот анализ профессор права скрупулёзно следовал структуре текста и стремился объяснить смысл и применение каждого его фрагмента. Сохранилось свидетельство преподавателя гражданского права в университете Болоньи XIII века Одофреда, описавшего стандартный способ такого анализа: «Во-первых, я дам вам краткое изложение каждого заголовка, прежде чем перейду к тексту. Во-вторых, я изложу хорошо и чётко, в наилучших доступных мне выражениях, суть каждого закона. В-третьих, я прочитаю текст, чтобы исправить его. В-четвёртых, кратко суммирую смысл. В-пятых, я разрешу противоречия, добавляя к ним общие вопросы, а также тонкие и полезные различия и вопросы с решением — насколько мне поможет Божественное Провидение. А если какой-либо закон заслуживает рассмотрения в силу своей известности или сложности, то я отложу его на послеобеденное занятие (обзорные занятия (*repetitiones*) — *prot. A. 3.*)»¹¹.

9 Там же. Ст. 4.

10 Юстиниан / Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2017. С. 111.

11 Цит. по: *Brundage J. A. Canon Law in the Law Schools // The History of Medieval Canon Law in the Classical Period. Washington, 2008. (History of Medieval Canon Law. 6). P. 110.*

Согласно заимствованному из римского права положению, при высказывании суждений о применении правовой нормы следовало руководствоваться его *causa*, т. е. причиной, побудившей законодателя принять этот закон. Если намерение законодателя вполне ясно, то неправомерным было бы извращать условия закона для возможности не соблюдать его ясно выраженную норму. Если же формулировка закона была двусмысленной или выражена таким образом, что цель законодателя была неясной, то комментарий глоссатора становился более тонким. В частности, в рекомендациях судебным органам не забывался и контекст толкуемой нормы: судьи не должны концентрировать свое внимание на отдельных словах юридического текста, чтобы не упустить из виду его смысл в целом. Вместо этого судьи должны рассматривать смысл всего предложения или отрывка, чтобы определить его правильное значение. При спорном толковании роль играла датировка текста и возможность его более узкого толкования, которому всегда отдавалось предпочтение.

Также в качестве метода комментирования активно применялась и аналогия. Не поддающуюся однозначному толкованию норму искали в иных правовых источниках — в *Decretum* и *Liber extra*, в Дигестах и Кодексе Юстиниана. Таким образом рождался тот длинный ряд ссылок на параллельные источники, который отличает рукописи канонических комментариев и трактатов XII–XIV вв. Сама идея ординарной глоссы при этом рождается из той же необходимости унифицировать «каноническое» понимание нормы, которая породила и конституцию 426 года. Нельзя сказать, чтобы та и другая меры имели полный успех, однако сам найденный метод позволил совершенствовать его в будущем и отсеять на практике те неудовлетворительные комментарии, которые не только не помогали разъяснить содержащий правовую норму текст, но, напротив, лишь запутывали дело такого прояснения.

2.2. Выросшая из римской правовой традиции византийская практика канонического комментирования в настоящее время хорошо и подробно изучена. Сравним лишь метод такого комментирования у Иоанна Зонары (комментарий, примерно относящийся к 1160 году) и патриарха Феодора Вальсамона (труд 1177 года). Более краткий вариант толкования Зонары носит преимущественно аналитический характер и имеет целью сохранить континуитет канонической нормы во всех её источниках, объединённых синтагмой Номоканона в XIV титулах. Зонара не стесняется обращаться при этом к другим церковным источникам (как каноническим, так и не юридическим: богословским

и историческим). В то же время, ссылки на гражданское законодательство (в версии Василик) у Зонары достаточно ограничены.

В отличие от Зонары комментарии Вальсамона часто кажутся торжеством субъективизма и волюнтаризма. Начавшись как решение частного вопроса о возможности отмены гражданского закона через невключение его в действующий сборник права (одна из новелл св. Юстиниана, не попавшая в Василики), герменевтический труд Вальсамона привёл его к необходимости составить комментарий на всё содержание Номоканона (в части его гражданских законов). Только потом был составлен комментарий на тексты канонов (при этом преимущественно пользовались правилами Трулльского и Халкидонского соборов). Интересной особенностью метода Вальсамона являются его правки в текст толкования из-за нового законодательства (последним по хронологии в его комментариях упоминается новелла императора Исаака II, изданная после апреля 1193 г., а последний упомянутый патриарший акт — указ патриарха Никиты II, датированный 17 ноября 1186 года).

Данные дополнения свидетельствуют о знакомстве Вальсамона с методом глоссаторов — свои новые («внешние» по терминологии самого автора) схолии он вносил на полях рядом со своим прежним («внутренним») текстом. В русском переводе 1876 года эти «внешние схолии» были названы «другим толкованием». Именно привлечение для комментария канонического корпуса императорских новелл и патриарших актов постюстиниановского периода делает толкования Вальсамона особенно ценными. Статус Вальсамона как хартофилакса в период составления комментариев позволял ему активно пользоваться этим материалом, без такого использования оставшегося бы нам неизвестным.

Сам метод толкования Вальсамона может быть прямо назван экзегетическим, поскольку он пересказывает смысл правового текста, устанавливает волю законодателя, при возможности указывает на исторический контекст принятия правовой нормы, проводит сравнительный анализ с другими источниками и не забывает о судебных прецедентах. Увы, всё это не принесло ему признания у других канонических комментаторов — преп. Никодим Святогорец считает, что «Вальсамон в сравнении с Зонарой — как несовершеннолетний отрок в сравнении со зрелым мужем»¹². Крайне странное и несправедливое суждение, учитывая, что только Феодор Вальсамон из всей великой троицы канонических комментаторов XII столетия старался привнести в свои

12 *Никодим Святогорец, преп.* Пидалион: правила Православной Церкви с толкованиями: пер. с греч.: в 4 т. Т. 1: Правила святых апостолов. Екатеринбург, 2019. С. 160.

толкования методы, равные по достижениям методам современной ему Болонской школы глоссаторов.

3. Сегодня соотношение юридической и канонической герменевтики можно представить следующим образом. Техника библейско-богословской экзегезы равно лежит в основании и юридической герменевтики, и канонического комментария (имеющих и самостоятельное происхождение); эти общие корни должны помочь избежать «конфликта интерпретаций». Сегодня главной функцией юридической герменевтики считается, как мы видели, обеспечение соответствующей духу права интерпретации юридически значимых текстов. Аналогично и каноническая герменевтика призвана решать ту же задачу, поставив на место «духа права» церковное Предание.

Разработка и унификация самостоятельных принципов канонического комментария — ещё один путь к реальному статусу Церкви как института *sui juris*.

Библиография

- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
- Закон Санкт-Петербурга от 02.10.2003 № 522-77 «Об официальном толковании Устава Санкт-Петербурга, законов Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2003. № 11.
- Конституция Российской Федерации 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.
- Никодим Святогорец, преп. Пидалион: правила Православной Церкви с толкованиями: пер. с греч.: в 4 т. Т. 1: Правила святых апостолов. Екатеринбург: Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, 2019.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.
- Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей; под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004.
- Юстиниан I Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2017.
- Brundage J. A. Canon Law in the Law Schools // The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234. From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX. W. Hartmann, K. Pennington, eds. Washington: Catholic University of America Press, 2008. (History of Medieval Canon Law. 6). P. 98–120.